

Записные книжки Александра Вампилова вскоре выйдут в издательстве «Советская Россия» в числе других не публиковавшихся ранее произведений драматурга. Когда познакомишься с ними, получаешь представление о том «магическом кристалле», через который для художника преломляются все впечатления бытия. Преломляются, чтобы, обогатившись мыслью и фантазией, воплотиться в живые сценические образы, в которых смысл и значение нашей жизни — как от-

дельного человека, так и общества в целом — выражаются с наибольшей полнотой. Личность автора в этих записях проявляется очень зримо. Незамутненность взгляда, честность мысли, точность слова, чеховская лаконичность, очищающая горечь и небесплодный юмор, сострадателность и человечность — все это так характерно для Вампилова. Важны и интересны для нас записи Александра Вампилова еще и потому, что, говоря много правдивого об их авторе, они в какой-то мере избавляют образ худож-

ника от позднейших искажений. И не только образ, но и самое творчество. По свидетельству Валентина Распутина, пьесы Вампилова не только вытесняются из репертуара театров, но и произвольно кроятся и трактуются по меньшей мере вольно современными постановщиками. Думается, сегодняшняя наша публикация будет по достоинству оценена всеми, кому дорого имя Александра Вампилова, художника, чье 50-летие мы отметили в ушедшем году.

«Человек должен ходить по земле гордо и легко»

Записные книжки Александра Вампилова представляют нам как творческую лабораторию, так и саму личность талантливого художника

Говорите правду, и вы будете оригинальны

Все лучшие известные писатели знамениты тем, что говорили правду. Ни больше ни меньше — только правду. В двадцатом веке этого достаточно для того, чтобы прославиться. Ложь стала естественной, как воздух. Правда сделалась исключительной, парадоксальной, остроумной, таинственной, поэтической, из ряда вон выходящей. Говорите правду, и вы будете оригинальны.

Талантливо — это когда так, как не должно быть, но когда это здорово. Замысел должен быть гениальным, писать надо, ориентируясь на шедевр, тогда получится сносный рассказ.

Трудно мальчикам, которые пишут сейчас свои первые рассказы. Лучшие, самые красивые, возмущенные слова сейчас до того скомпрометированы газетами и ремесленниками, столько от них пыли, плевков и ржавчины, что сколько надо думать и чувствовать, чтобы эти слова употреблять в их высшем назначении.

Слать нечто значительное, значит, забыть о себе, отвлечь от себя. Ленин в театре, где его появление, так сказать, частного характера, встретило аплодисментами.

Какие невоспитанные люди.

Сколько бы ни старались литературоведы, они никогда не сделают Чехова сухим и скучным писателем. Вот — пушкинцы, тогловеды — этот народ себя не уважает (и лишен всяких способностей творить). Как можно зачеркнуть себя вовсе и посвятить себя навсегда кому-то (хотя бы и художнику великому и любимейшему? Не понимаю). Если ты натура творческая — так напиши свою, хотя и плохую комедию.

Если собираетесь кого-нибудь полюбить, научитесь сначала прощать

Если собираетесь кого-нибудь полюбить, научитесь сначала прощать

Мир тосклив и однообразен, и в нем невозможно прожить без любви.

Первая любовь — это не первая, не вторая и не последняя. Это та любовь, в которую мы больше всего влюблялись самих себя, душу, когда душа у нас еще была.

Середина июня. Я сижу в садике, где только что была любимая. Она оставила книги и стул. Я жду — она вернется. У меня для нее две веточки белой сирени и миллион нежных слов. Если ты приходишь на день моего рождения, то мне исполнится не 22 года, а 44...

Жизнь коротка, и чем меньше мы будем вместе, тем больше упустим счастья.

Ее приданое состояло из сундука, набитого любовными письмами.

Студент встречает девушку. Говорит о преобладании к деньгам, ведет себя богатым наследником. На самом деле нищий. Через некоторое время ситуация меняется: колоты дрова у матери этой девушки. Девушка наблюдает за ним из окна влюбленных глазами.

Сказала, будто бы поцеловала в самую душу.

Не будем ссориться — пусть нам завидуют.

Она (пишет в письме):

Я боюсь, что начнется война и мы никогда не увидимся.

Ответ:

Теплее одевайся, береги себя, войны не будет. По крайней мере до тех пор, пока мы не встретимся. Если хотят воевать — пусть потеряют.

Девушки любят таких, которые гонятся за ними с ножами или вальсируют у них в ногах. Я же был человек тихий.

Мы не уступали друг другу. За каждую обиду — ровно такая же обида. Это была не любовь (любовь — умение прощать), а игра, борьба. И, гуляя с ней по саду, в кино, в подъезде, целуясь, я вдруг чувствовал себя совершенно одиноким.

Если собираетесь кого-нибудь полюбить, научитесь сначала прощать.

В любви (в большой любви) нет материализма. Вся она сплошной идеализм и с материализмом в вечном бессмертном противоречии. На этом противоречии вырастает поэзия.

35-летний:

Женщины, которые любили нас в юности, — наши лучшие женщины. Они любили нас самих, а эти, сегодняшние, черт их знает, вечно сомневались в искренности. Женщина, которая любит кочегара, на самом деле его любит, а вот уже дипломированного кочегара — уже неизвестно, уже сомнения.

Она была маленькая, белобрысая, с испуганными от грубостей жизни глазами. В дождь ночью я стоял у ее окна и был счастлив. Она выбежала

Получил образование поздно, с трудом, насиливая свою природу, и всю жизнь ни на минуту (во всем) не забывает, что он образован.

Молодой человек учился на первых курсах трех институтов. Не нашел «призвания». Последнее время занимается литературой.

Первое стихотворение начинающего автора, написанное им в день своего пятидесятилетия, начиналось: «О, Муза, я у двери гроба».

Писатель: все знает, а выразить ничего не может, как собака. За него выражает редактор.

Поэт. Про него нельзя сказать «невольник чести». Он от чести свободен.

Мы много говорим о том, что мы сделали, или о том, что мы собираемся делать. Делать надо, а не говорить. Идеи мы стоим, но у нас не будет детей. Для кого тогда идеи? С человека, который знает, что у него не будет внуков, трудно спрашивать. Его ничем не удивишь. Общечеловеческая точка зрения. Аполитично, вредно. Хорошо, можно забыть тех, кто умер. Забудем, хоти некоторые из них забвения не заслуживают. Но как же забывать тех, которые будут, — детей и внуков?

Мельник, мельник. Стараясь все жить тихо, без врагов и недоразумений. Все друзья, все хорошие, со всеми ладим — запечная, тараканья философия.

В столице трудно расти поэту. Москвичи с детства все знают. Задумчивых в Москве нет. Всех задумчивых в Москве дают машинисты. Поэты рождаются в провинции. В столице поэты умирают.

Мужчина средних лет в поношенном пиджаке. Гнется в пояснице, болезненно морщится. Подходит. Кротко и уныло просит 45 копеек. Ему дают. Он выпрашивается, подбирает монеты в руке и бодрым, энергичным, деловым тоном произносит: «Порядок!» Быстро уходит.

Сюжет для юмористического рассказа:

Алкоголику (пятидесятипроцентному) пришла счастливая мысль «умереть». Обстрелял это дело через

Идиоты не перевелись — они совершенственны.

Он хотел достичь всего через материальное могущество. Это такая грубая, такая общая ошибка — он ничего не достиг.

Погиб для божества, для вдохновения, для слез, для жизни, для любви.

Звезды падают: «Дадут квартиру или не дадут?»

Бетховен не повторится. Чем дальше от Бетховена, тем больше человек (в известном смысле) будет становиться животным, хоти и еще выше организованным. В будущем человек будет представлять из себя сытое, самодовольное животное, безобразного головастика, со сказочным удобством устроившегося на земле и размышляющего лишь о том, как бы устроиться еще удобнее. Время Пушкиных и Бетховенов будет рассматриваться как детство человечества.

Письмо. «Я хочу сидеть с тобой в Большом театре, слушать и видеть, как танцуют менуэт. Моцарта. Наш прогулочный-зрелищный период прошел в провинции на последних рядах душных кинотеатров. После окончания сеанса (мы видели мордобитие) дорога по темным улочкам. Я ожидал, что вот-вот нападут хулиганы».

Это было так обыденно, что присутствующая при этом луна зевнула и укрылась большим и, наверное, очень теплым облаком. Конечно, ей, которая видела встречу и видела, как объяснялся в любви мрачный сотрудник бракоразводного отдела, ей было скучно.

Быть может, я стану сильным и гордым, но для тебя я раб последовательный, пожизненный.

Любовь — творчество, у бездарных она — нудная драма с утюгом в валенке.

Каждой девушке положено месяц или два месяца в жизни побыть богиней.

Женщина:

У него такая красивая фамилия и такая чудная шапка.

— Когда ты бываешь счастлив? Только откровенно.

— Когда я хорошо выплосью, надеваю красивое платье, словом, когда я хорошо выгляжу, утром войду в канцелярию, там несколько мужчин — все они устанут на меня, и в эту минуту они забывают своих жен — я счастлива.

Она: За то, чтобы сбывались все мечты.

Он: А я предлагаю тост за мечты, которые никогда не сбываются. Мечтают все, а сбывается у некоторых. Самые прекрасные мечты всегда несбыточны.

Юная сумочка жена, на весь перрон чмокает в губы, скажет густым, громким голосом: «Здравствуй, милочка», — сунет в руки черный, большой, как саркофаг, чемодан, толкнет в руки и

другое барахло, скажет еще (не спросит, а скажет): «Ты здоров, не потеряй сетку...». И — конец.

Анкеты:

Марина, сварщик из Улан-Удэ, 19 лет. Крепкая по-мужски, голубоглазая, доверчивая. Летит из Сибири в Великие Луки к больному брату. В Москве была один раз, когда проезжала в Сибирь, сейчас — второй, чтобы через Москву проехать в Великие Луки. Мать умерла, отец, шофер, разбился три года назад. Хотела непременно стать шофером (в память об отце), да как-то не вышло. В Москве растерялась, не знала, с какого вокзала ехать в Великие Луки. Очень хвалила начальство, которое предоставило ей очередной отпуск (из-за болезни брата).

Вита Николаев — попутчик. Едет из Кольчугина в Ялту, где у него якобы девушка. Студент или рабочий, заочник ли — дело темное. В модной стеганой куртке, скуласт, с тонкими над всей верхней губой усиками. Рот большой, а зубы мелкие. Все вместе — усики, рот и зубы, когда он улыбается, а улыбается он беспрестанно, создают впечатление мелкотравчатости. Девочкам строит глазки. Утверждает, что из напитков более всего предпочитает спирт, волку, пьет однако же неакраиво. Через силу.

Вспомнил. В Канске на вокзале пацан лет 14—15 с каким-то пошлым хулиганом на скамейке. Пацан говорит:

— Я поживу еще лет десять, а потом лягу на рельсы. Точно!

40 лет. В прошлом занимался музыкой, хотел быть скрипачом. Скрипачом быть не смог, стал коллекционером (или цветоводом), надел всем своей увлеченностью. Однажды ему сказали: «Все это чепуха. Вы неудачник». Это было так. Он запыл.

Мужчина средних лет в поношенном пиджаке. Гнется в пояснице, болезненно морщится. Подходит. Кротко и уныло просит 45 копеек. Ему дают. Он выпрашивается, подбирает монеты в руке и бодрым, энергичным, деловым тоном произносит: «Порядок!» Быстро уходит.

Сюжет для юмористического рассказа:

Алкоголику (пятидесятипроцентному) пришла счастливая мысль «умереть». Обстрелял это дело через

Идиоты не перевелись — они совершенственны.

Он хотел достичь всего через материальное могущество. Это такая грубая, такая общая ошибка — он ничего не достиг.

Погиб для божества, для вдохновения, для слез, для жизни, для любви.

Звезды падают: «Дадут квартиру или не дадут?»

Бетховен не повторится. Чем дальше от Бетховена, тем больше человек (в известном смысле) будет становиться животным, хоти и еще выше организованным. В будущем человек будет представлять из себя сытое, самодовольное животное, безобразного головастика, со сказочным удобством устроившегося на земле и размышляющего лишь о том, как бы устроиться еще удобнее. Время Пушкиных и Бетховенов будет рассматриваться как детство человечества.

Письмо. «Я хочу сидеть с тобой в Большом театре, слушать и видеть, как танцуют менуэт. Моцарта. Наш прогулочный-зрелищный период прошел в провинции на последних рядах душных кинотеатров. После окончания сеанса (мы видели мордобитие) дорога по темным улочкам. Я ожидал, что вот-вот нападут хулиганы».

Это было так обыденно, что присутствующая при этом луна зевнула и укрылась большим и, наверное, очень теплым облаком. Конечно, ей, которая видела встречу и видела, как объяснялся в любви мрачный сотрудник бракоразводного отдела, ей было скучно.

Быть может, я стану сильным и гордым, но для тебя я раб последовательный, пожизненный.

Любовь — творчество, у бездарных она — нудная драма с утюгом в валенке.

Каждой девушке положено месяц или два месяца в жизни побыть богиней.

Женщина:

У него такая красивая фамилия и такая чудная шапка.

— Когда ты бываешь счастлив? Только откровенно.

— Когда я хорошо выплосью, надеваю красивое платье, словом, когда я хорошо выгляжу, утром войду в канцелярию, там несколько мужчин — все они устанут на меня, и в эту минуту они забывают своих жен — я счастлива.

Она: За то, чтобы сбывались все мечты.

Он: А я предлагаю тост за мечты, которые никогда не сбываются. Мечтают все, а сбывается у некоторых. Самые прекрасные мечты всегда несбыточны.

Юная сумочка жена, на весь перрон чмокает в губы, скажет густым, громким голосом: «Здравствуй, милочка», — сунет в руки черный, большой, как саркофаг, чемодан, толкнет в руки и

знакомому нотариуса (или еще кого). Женам разослал письма (или документы). Женится, может быть, в третий раз. И так далее такая чепуха.

Когда он говорил, он отчаянно жестукировал, что свидетельствовало о бедности языка.

После пошлости смеялся счастливым детским смехом.

Беспомощно глуп. Так глуп, что даже не в состоянии это скрывать.

Обычно разговорчивые его собеседники делались молчаливыми. Он подавлял своим интеллектном.

Памятник Петру, залил и город, у памятника, не сходя с места, разжирел фотограф-любитель.

Комедия. Время от времени в зале лгруг раздавался одиночный дурацкий смех. Казалось, это автор комедии неутомимо ходил по рядам и в тех местах, которые, по его мнению, были особенно смешны, щекотал зрителей сзади неожиданно под мышками.

Артист играет натурально. Прежде чем сказать: «Я — сволочь!», он делает два салты и шпигает и только потом скажет: «Я — сволочь!», хотя надо сказать: «Как я еще резв».

Салон. Лакированное хамство. Художник в деревне. Работа, аскетизм. И как из этого ничего не получается.

Он полез, казалось, не в карман, а в самую глубину своей души и вырвал из нее рубль.

Фальшивые деньги появились на третий день после реформы.

После 11 к вокзалу подруливали алчные чашки.

Афиша «Гипноз» с номерами: «наводнение на сцене, показ отсутствующих родственников» и пр.

Такси. Стук счетчика отдается в сердце у пассажира с рублем.

Неудачник (студент): Никогда не чувствую себя совершенным. Никогда не бывает псе в порядке. Или болит голова, или жмет ботинок, или манжеты грязные, или еще что-нибудь. Даже в позу не могу встать — показываются грязные манжеты.

Он скромн, потому что не уверен в себе.

Мир состоит из скучных, малокультурных жихов и симпатичных обольстителей.

Головастик скажет: «Как ребячились люди! Занимались какой-то поэзией, как это?». Музыкой. Что это такое? И зачем она им тогда понадобилась?»

Он мог простить все, но долга он простить не мог. (Эти люди прощают все, кроме долгов).

Спят, спутаются, потеют за обедом, считают деньги и снова спят.

Считают деньги. Прислушайтесь: этим занят весь мир. Грохот монет на земле.

На голове, на самом темени, у него появилось блестящее пятнышко. Там свила свое гнездышко рутина.

Мысль, высказанная этим человеком нечаянно, есть самая искренняя мысль.

Он подл, мелочен, злопамятен, но, к счастью, глуп, а потому не опасен.

То, что он благороден, никто не знал. По крайней мере сам он этого ничем не выдавал.

Человек все-таки чем-нибудь дол-

Старые друзья, которые могут скомпрометировать.

Улыбчивый мракобес.

Таким взглядом можно напугать ребенка или заморозить воду.

Вот мы строим, лазаем в грязи, а построим город, положим асфальт, насадим тополей, и тогда приедут сюда они — с бабочками, в манжетах, будут разгуливать по главной улице, и стыдно нам будет ходить по ней в спецовках.

Обыватель при упоминании крымских городов ухмыляется неприлично и мечтательно. В Ялте любой скромный доселе гражданин начинает говорить «мерси», «пардон» и развратничает. Пьет сухие вина, которых не может терпеть, старается увлечь на ночную прогулку каждую официантку.

Чем больше друзей, знакомых женщин, тем отчетливее становится одиночество.

Опух от скуки.

Весна... радость... Впрочем, несчаст-

ным можно быть и весной.

В душе пусто, как в графине алкоголя. Все израсходовано глупо, заплом, раскидано, растеряно. Я слышу, как в груди, будто в печной трубе, воеет ветер.

Ничего нет страшнее духовного банкротства. Человек может быть гол, нищ, но если у него есть хоть какая-нибудь задрипанная идея, цель, надежда, мираж — все, начиная от намерения собрать лучший альбом марок и кончая грезами о бессмертии, — он еще человек и его существование имеет смысл. А вот так... Когда совсем пусто, совсем темно.

Рассказ ночного сторожа:

«Воруют днем. Ночью делать нечего. Сновидно получать деньги...»

Алчный жулик, жмот и шкурник разглагольствует:

— Терпеть не могу тех, которые трастают над копейкой.

Хотел говорить то, что думает, но вспомнил, что у него нет денег.

Молодость дается для эксперимента

В театре (пустяки)

О молодой женщине. Он ее называет: «Старушка». Она молода. Она не понимала, не решалась, боялась понять, что ей жаль своей оскорбленной и... молодости. Он ее любит. Она — нет. В театре и после капризничает. Он огорчен. Смотрели трагедию. Отчего, думала она, отчего так грустно? Почему у меня весь вечер такое жуткое настроение? И она не находила в себе смелости признаться в том, что ей жаль свою молодость. Дорогой молчит, плачет.

Ну вот, ты у меня ребенок, честное слово, маленький глупенький ребенок.

Она взглянула на него. Ее глаза сделались маленькими и злыми.

— Увиди, пожалуйста, — сказала она и отвернулась к окну.

— Ну хорошо, хорошо, — сказал Поручик, — спи, спи. Но, честное слово, нельзя же быть такой впечатлительной. Я еще поработаю.

Он нагнулся к ней и хотел поцеловать ее, но она, не взглянув на него, загордилась рукой.

— Спи, спи, — пробормотал Поручик, еще больше огорчаясь, и (вдруг ссутулившись) вышел из комнаты. Тихо вздохнула дверь.

«Отчего, отчего так грустно? Отчего у меня весь вечер такое жуткое настроение?» — сонливо думала она. Она боялась понять то, что ей жаль свою молодость.

Легкое платье, полуулыбка, жесты. «Вся тут», и, действительно, больше у нее ничего не было и т. д.

Молодой человек лет 25 в кафе: — Что я могу? Что я умею? Я умею выпить, красиво сесть, красиво встать, красиво носить шарф. И все. И это, выходит, главное, что я умею. А вот он сидит, пьет, шутит, заказывает еще. Он делает это не хуже меня. Но это у него не главное. Вот он спирит, горячится, у него есть дело, идея, наверное, какая-нибудь. То у него главное. А здесь он между прочим. Так вот, получается, что моя жизнь, мое призвание — это «между прочим». Я ведь состою из этого «между прочим». Подайте, пожалуйста, бутылочку нарзана...

Человек все-таки чем-нибудь дол-

Фразы

Любовь к исустаяу — это не для того, кто хочет ыть счастливым.

Юмор — это убежище, в которое прячутся умные люди от мрачности и грязи.

Создают годные — сытые разрушают.

Чем больше человек думает, тем он становится лже.

20-й век в искусстве только пародирует 19-й.

Ушел создавать художественные ценности.

Винаватымивсегда бывают пелюбимые.

Человек чепуху — Красная Шапочка.

Одни счастье высжиживают, другие — выпрашивают, третьи — ждут его на большой дороге.

Дисциплинированная клевета.

Черемушки — каменный колхоз.

У дураков всегда больше принципов.

Вырулил из ажиж низов.

Безразличнаяфантазия человека, которому нужны деньги.

Цифры хоршо запоминают не умные, а жадные.

Несчастные имеют более верное и точное представление о счастье.

Его можно ыло уважать только за преклонный возраст.

У всех у ни есть один недостаток: они — не ты.

Театр никога не умрет: люди никогда не перестанут валять дурака.

Я прижмю грустное выдавать за смешное. У меня такая жизнь.

НА СНИМКАХ: Александр Вампилов; мама писателя — Анастасия Проноповна Копылова-Вампилова.

Фото В. Орсева.

Беллетристы тянутся к вокзалам, как мухи к меду

Беллетристы тянутся к вокзалам, как мухи к меду.

Хомут (рассказ): Подъедет, подползет поезд дальнего следования, выйдет толста, озабоченно разглядыва-